

Мужчина опустил Юэрянью на пол, и тот радостно и резво закрутился по комнате, взволнованно произнося:

— Мама, сегодня папа водил меня ловить маленьких дождевых червей и сказал, что завтра мы сможем пойти на реку рыбачить!

— Тогда у нас будет рыба, мама, ты рада? Ну я не буду мешать вашему разговору, болтайте.

Сказав это, Юэрянью бросил взгляд на Юаньмана и Е Бо, затих и тихонько прошел в боковую комнату.

На мгновение воцарилось молчание: Е Бо говорить не умел, а Юаньмань просто не знал, что сказать.

Наконец Юаньмань через силу выдавил:

— Благодарю за угощение. Амитабха, благодетель, сбор подаяний окончен, и по уставу бедному монаху пора идти.

Из-за особых обстоятельств Юаньмань не унаследовал полностью память этого тела, у него сохранились лишь некоторые основы понимания буддийского учения, а обо всем, что касалось этого Духа одеяла, он не ведал абсолютно ничего.

До сих пор он знал лишь то, что тот достиг совершенства благодаря его жизненной эссенции и крови.

Что же до остального — не имел ни малейшего представления.

— Сегодня я объяснил тебе, как пользоваться этими деньгами, так что в следующий раз не сори ими направо и налево. Привлекать к себе внимание порою не к добру.

— Всё сделаю, как ты скажешь. — Е Бо не стал возражать и молча принял это.

Хотя в глубине души он все еще оставался несогласен: стоило ему приложить лишь немного сил, как добыть любые деньги можно было одним мгновением мысли!

Погода переменилась стремительно, и вдруг хлынул дождь.

Е Бо не любил дождь. Ни капли не любил, изо всех сил подавляя внезапно вспыхнувшую ярость.

Ощущение капель воды на теле было омерзительным до крайности. И этот шум дождя тоже не вызывал ничего, кроме неприязни.

Юаньмань в тот же миг почувствовал неладное: Е Бо, должно быть, ненавидел этот дождь!

Не успел он опомниться, как тот уже крепко сжал его руку и увлек в ближайшую чайную.

— Два уважаемых наставника, что изволите заказать? У нас есть улун, зеленый чай, чай с облачных вершин...

Даже чувствуя себя скверно, Е Бо все же произнес:

— Ни к чему все это, просто две чашки чая с жимолостью и тарелочку пирожных с османтусом.

— Сию минуту, гости дорогие, присаживайтесь, всё мигом подадим! — Записав пожелания клиентов, трактирный слуга тут же побежал встречать новых посетителей.

Е Бо уже проявил нежную заботу: хотя его собственные губы побелели от страдания, чай он заказал такой, который укрепляет иммунитет и предотвращает простуду.

Юаньмань опустил Посох кхакхарав, сел рядом с Е Бо, мягко обнял его одной рукой и произнес:

— Не бойся, дождь скоро пройдет.

Хрупкий вид Е Бо встречался крайне редко, и теперь, увидев его таким, монах даже не знал, что и чувствовать.

Казалось, он вдруг озарился пониманием, почему на него возложили такую обязанность — заботиться об этом существе.

— Я боюсь дождя. Каждый раз, когда идет дождь, мне становится невыносимо тяжело.

Длинные ресницы Е Бо подрагивали, заставляя сердце Юаньманя сжиматься от жалости. Обняв его крепче, он заговорил:

— Я здесь, не бойся.

В зрачках Е Бо на три-четыре секунды вдруг блеснул серебристый свет, а затем исчез.

Если проследить события до того момента, когда у Е Бо впервые появились воспоминания, все началось ранним утром.

Осеннее утро выдалось прохладным, однако тогда для него все было окутано туманной дымкой и казалось удивительным новшеством, к которому примешивались внезапно возникшие таинственные воспоминания...

В одно мгновение он постиг, как сделать собственное тело крепче и сильнее, и даже словно мельком, на ходу, быстро пролистал весь процесс превращения в постельное белье.

Е Бо чувствовал, что совсем не расслаблен, и, немного выпустив духовное восприятие, обнаружил, что сам он — серое ватное одеяло.

Одеяло было сложено аккуратно и ровно, прямо как кусочек тофу.

Напрягнув духовное восприятие до предела, он смог разглядеть эту тесную комнатенку.

Место это было простым и маленьким, и ровно восемь таких же, как он, сложенных в виде подушек одеял одно к одному лежали рядами на большой деревянной кровати.

Духовная сущность новорожденного растения, подобно земному младенцу, легко и быстро утомлялась.

Не прошло и мгновения, как силы оставили его тело, духовное восприятие Е Бо истончилось, и все, что он был способен видеть, ограничивалось лишь этой кроватью. Пересилив себя, он вновь погрузился в сон.

Когда к нему снова вернулось сознание, он увидел лишь маленького ребенка: в то время как

остальные дети еще спали, мальчик медленно поднялся, взял расшитую его собственным именем синюю монашескую одежду и неторопливо облачился в нее.

Ребенок был белокож и нежен, его пухлые щечки так и манили прикоснуться, а в переливах глаз читалось одно лишь простодушие.

И хотя личико казалось пухленьким, в чертах лица явственно проступала утонченность, а гладкая лысая голова делала его еще более очаровательным — вылитый ангелочек, спустившийся с небес.

В следующую секунду Е Бо уже потерял всякий интерес к разглядыванию ребенка.

«Не трогай здесь своими руками, не складывай меня! Немедленно прекрати!»

Но ребенок словно ничего не слышал, и вскоре еще одно одеяло-тофу оказалось на том месте, куда мальчик привык класть голову.

Е Бо воочию наблюдал, как превратился в брусок тофу. Ярость взметнулась в его груди, но тут же, подобно проткнутому воздушному шару, испустила дух и осела на дно.

Казалось, этот человек совсем не слышит его голоса...

С этого момента официально началась связь между духом одеяла и ребенком, и колесо судьбы постепенно закрутилось.

День за днем, сколько же было этих дней!

Все это время он наблюдал по чуть-чуть, как ребенок растет, как одна за другой сменяются одежды, и даже в некогда одинаковых синих нарядах появляются другие узоры.

Пусть изменения были едва заметными, но он их замечал. Мальчик перебрался в отдельную келью и его тоже забрал с собой в новое жилище.

Время изменило не только ребенка, но и его самого. За эти двенадцать лет он впитал в себя чистую энергию неба и земли и постепенно сформировал внутреннюю пилюлю.

Обретение внутренней пилюли означало, что он способен принять человеческий облик. На самом деле, судя по унаследованным им воспоминаниям, это было абсолютно невозможно.

Предыдущий предок, воплотившийся из хлопчатника, жил тысячу лет назад.

В ту эпоху буйно росли деревья и зеленела трава, а духовная энергия, наполнявшая воздух, превосходила нынешнюю по меньшей мере на семьдесят процентов. Но даже в тех условиях предок обрел душу лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, а на формирование внутренней пилюли у него ушли сотни лет.

В любые времена зарождение души у растительных созданий давалось с величайшим трудом и муками, не говоря уже о заурядности такого вида, как хлопок.

Само по себе появление внутренней пилюли еще ничего не значило — это было лишь начало.

А наивысшей вершиной, которой можно было достичь, являлось вознесение в бессмертные.

Прошла тысяча лет, и сила веры в этом мире утратила свою прежнюю чистоту, а уровень

духовной энергии в воздухе резко упал.

Е Бо был до предела шокирован тем, что сумел вырастить внутреннюю пилюлю. Он уже смирился с тем, что будет просто впитывать окружающую духовную ци, ожидая дня, когда от него отрекутся, — тогда он, пожалуй, сбежал бы культивировать в глухие горы и леса.

— Юаньмань, какое у тебя особенное одеяло. Ты спишь под ним уже тринадцать лет, а оно все такое же чистое и аккуратное, ни единого залома на углах. Стыдно признаться, но я сменил уже четыре одеяла.

Молодой монах в настоятельской рясе вошел в комнату, увидел постель и не смог сдержать восхищенного возгласа. Он провел рукой по сложенному в виде подушки одеялу, ощутив мягкость.

— Как же хорошо оно сохранилось, — похвалил юноша.

— Я никогда за ним не ухаживал и наполнитель не менял. Это одеяло укрывало меня в детстве: пусть оно и маловато, но очень теплое, и мне жалко его выбрасывать. Вот я и решил спать под ним осенью. А зимой стелю его вниз, накрываясь сверху большим одеялом, и этого вполне хватает. Старший соученик Юанькэ, проходи, присядь.

Юаньмань положил буддийскую сутру на единственный в комнате стол, придвинул табурет и налил две чашки чистой воды.

Юанькэ легко улыбнулся, согласился, смахнул складки одежды и чинно опустился на сиденье.

Его широкие ладони обхватили чашку, он поднял ее и осушил до дна.

На руках Юанькэ виднелись мозоли от многолетнего физического труда, а весь его облик излучал зрелость и сдержанность.

Обычно Юанькэ ведал делами на кухне, распоряжаясь трапезами монахов и мирян.

По заведенному в монастыре Болинь порядку, в день полагалось лишь два приема пищи: в часы сы (с девяти до одиннадцати утра) — в зависимости от занимаемой должности монахи трапезничали в разное время, причем на еду каждому отводилось по две кэ (полчаса).

Исключение составляли миряне, которые могли приходить в трапезную по своему усмотрению.

Второе время приема пищи приходилось на часы шэнь (с пятнадцати до семнадцати часов), и подобное расписание позволяло не испытывать сильного голода в течение дня.

Юанькэ легко рассмеялся:

— Ами табха, братец Юаньмань, я пришел сегодня по одному делу. Глянь-ка, у настоятеля сегодня хлопоты, и он поручил мне передать это тебе.

Это была маленькая деревянная бирка с вырезанным на ней знаком приема гостей — пропуск, дающий право получить одеяние привратника-закомежника.

— Это значит, что меня назначают привратником? — Юаньмань широко раскрыл глаза и недоверчиво произнес.

— Угу. Настоятель задумал обучить тебя искусству принимать гостей и не теряться в

непредвиденных ситуациях.

— Но что еще важнее, это закалит твой характер. Настоятель определил тебя под начало мастера Юаньи, с завтрашнего дня будешь следовать за ним и учиться. А пока можешь взять это и получить одежду привратника. Ну вот, что должен был принести — принес, мне пора возвращаться к своим делам.

Произнеся это, Юанькэ поднялся. Юаньмань тоже поспешно встал и проводил его до выхода из своей маленькой кельи.

Стиснув в руках эту простую на вид бирку, Юаньмань получил два комплекта одежды привратника и, слегка возбужденный, несколько раз прошелся туда-сюда по комнате, после чего аккуратно засунул наряды в стоявший у стены сундук.

Глядя на столь взволнованного Юаньманя, Е Бо лишь молча наблюдал за ним, размышляя о том, как бы получше обеспечить того питательными веществами. Подумавши так и этак, он пришел к выводу, что оставалось лишь одно: обрести человеческий облик, шаг за шагом вторгаясь в жизнь этого человека, чтобы как следует заботиться о его здоровье.

И тут он вспомнил ту ночь месяц назад.

Месяц назад, в одну грозовую и дождливую ночь, он вот так же съежился в комок, прислушиваясь к шуму ливня и то и дело раздававшимся раскатам грома. Поддавшись грохоту, он слегка приоткрыл глаза и увидел, как человек перед ним бережно отложил в сторону огниво. Небольшая комната озарилась мягким, жарким светом свечи. Непонятно почему, но после купания в своей обычной одежде Юаньмань стал выглядеть ещё прекраснее.

На самом деле подобную картину он видел уже много раз и даже заранее знал, какими будут следующие движения собеседника...

В мягком свете свечи кожа Юаньманя отливала розовато-оранжевым оттенком. Его левая рука медленно переместилась к груди и легко расстегнула бирюзовую пуговицу.

Одежда тут же соскользнула влево, обнажая розоватую кожу, на которой выделялось несколько дисгармоничных следов от ногтей.

Ниже пояса на нём были лишь нижние штаны, из-за чего всё скрывалось в полумраке.

Е Бо не удержался и перевёл взгляд: сейчас тот снимет эту одежду и бросит в деревянную кадку в правом углу. Юаньмань обычно использовал её, чтобы стирать сменные вещи.

Когда Юаньмань швырнул одежду в кадку, вся замедленная съёмка словно исчезла. Он быстро развернул одеяло, задул свечу, целиком сжался под ним в комок и даже пару раз потёрся о постель всем телом.

Постепенно разлилось тепло, и Юаньмань с удовлетворенным вздохом выдохнул.

Е Бо соприкасался с Юаньманем вот так, прислушиваясь к его дыханию, и лишь когда оно стало ровным и глубоким, позволил себе вольготно заворочаться под одеялом.

Ах, он по-прежнему так манит! И аромат, источаемый этим телом, и сам этот человек — всё в нём было достойно его любви.

Как раз в этот момент еще более раскатистый грохот пронесся издалека и приблизился, заставив Е Бо вздрогнуть. Всё одеяло тут же обмякло и замерло без всякого движения.

От этого звука проснулся и Юаньмань, прятаясь под одеялом. Впрочем, испуг длился лишь мгновение, после чего он снова закрыл глаза и погрузился в сон.

Е Бо почувствовал досаду: с какой стати он так боится, а этот человек может спать так крепко и безмятежно?

Внезапно в Е Бо проснулся интерес — интерес, полный тревожного предвкушения.

Ночь скрывает все грехи. Направляемый темнотой, Е Бо подчинил себе потоки энергии.

Потратив треть собственных сил, он с помощью ци сформировал две маленькие круглые вещицы, силой затолкнул их в нижние штаны парня, а затем, продолжая расходовать энергию, втолкнул их в сокровенный потаенный проход.

Весна пришла гораздо быстрее, чем Юаньмань предполагал, а может, всё дело было в том, что рядом находился Е Бо, благодаря которому повседневная жизнь протекала исключительно слаженно и упорядоченно. Такая жизнь протекала чрезвычайно беззаботно: круглое лицо Юаньманя даже немного потолстело, а на животе прибавилось жирка, хотя, к счастью, выглядело это не слишком чрезмерно.

Месяц спустя Е Бо выплатил огромную сумму денег и стал постоянным мирским последователем монастыря Болинъ.

Этой крупной суммы вполне хватило бы на то, чтобы отремонтировать весь монастырь Болинъ и обновить все статуи Будды.

Настоятель, заметив, что Е Бо и Юаньмань сблизились, намеренно зазвал Юаньманя и попросил его в чём-то уступить Е Бо.

Юаньмань согласился.

Атмосфера в монастыре Болинъ легко располагала к умиротворению, а старые кипарисы выглядели красиво и величественно.

Юаньмань понимал сокровенные чаяния настоятеля, который мечтал возвысить монастырь Болинь.

Монастырь Болинь никогда не притеснял своих монахов: хотя в нём и существовала иерархия, за исключением различий в кельях, каждый монах старше восемнадцати лет получал в год ровно один золотой.

Монахи старше восемнадцати лет получали по одному золотому в год независимо от своего сана.

В обителях такого же масштаба об этом не могли даже помыслить. К тому же все средства монастыря Болинь направлялись на его благоустройство, так что к концу года практически ничего не оставалось.

Во-первых, это делалось на случай непредвиденных обстоятельств — например, болезней, ремонта зданий или приобретения более качественных сутр из дальних краёв.

Во-вторых — чтобы перенимать у деревенских жителей навыки шитья и земледелия. К тому же урожай, который выращивали в самом монастыре каждый год, покрывал потребности лишь большей половины братии.

Остальное зерно приходилось докупать по дешёвке у крестьян в виде прошлогоднего риса, не говоря уже обо всём остальном.

Лишь вникнув во всё как следует, можно было понять, насколько огромными на самом деле были денежные траты.

Даже с учётом пожертвований удавалось лишь сводить концы с концами.

Деньги, принесённые Е Бо, оказали монастырю Болинь колоссальную помощь. Тем более что тот всего лишь пожелал остаться в монастыре на постоянное жительство! Да даже если бы он собрался прожить там три жизни, в монастыре Болинь были бы только рады.

Отличие мирского последователя от монаха заключалось в том, что ему не обязательно было постоянно носить монашеские одежды, хотя комплект таковых ему всё же полагался, а приём пищи зависел исключительно от его собственного желания.

Требовалось лишь ежедневно уделять один час во второй половине дня постижению буддийского учения наравне с монахами, однако объём сельскохозяйственных работ у мирян был вдвое меньше. И жили они в лучших условиях, чем простые монахи, — правда, за статус постоянного последователя полагалось вносить определённую плату.

Е Бо был весьма доволен такой жизнью, а когда он обнаружил, что обитатели обители

оказались на редкость смыслёнными и понятливыми, на душе у него стало ещё веселее. К тому же с момента зарождения их семени прошло уже немало времени, и одна мысль о том, что совсем скоро он сможет прижать к груди малыша, принадлежащего им двоим, наполняла его ещё большей радостью.

Но, очевидно, небесное провидение не собиралось позволять Е Бо радоваться вечно: тот заметил, что Юаньмань стал словно бы всё сильнее занят.

Эта занятость была какой-то неправильной — особенно когда Юаньмань явно увиливал от него, находя отговорки.

Увидев, как Юаньмань сидит с какой-то девицей и обсуждает вещи, связанные с буддизмом, Е Бо в одно мгновение вспылал.

По правде говоря, Е Бо и сам толком не понимал, почему он так злится на Юаньманя. Но если задуматься, кажется, все его неприятности вечно происходили именно из-за вспышек гнева.

Почему же он не может обуздать свой нрав? Е Бо размышлял об этом, однако никогда по-настоящему не задумывался над тем, почему теряет контроль над характером — ведь он искренне считал себя человеком с довольно неплохой выдержкой.

Лицо его помрачнело, он неспешной походкой подошёл к Юаньманю и криво усмехнулся. Девушка, с которой беседовал Юаньмань, испугалась этого внезапно появившегося мужчины; заметив его мрачное выражение лица, она на пару секунд затаила дыхание и лишь потом снова смогла сделать вдох.

— Идём со мной, второй раз повторять не буду. А что до этой благочестивой мирянки, в следующий раз изволь отправляться к воротам, если есть какие-то вопросы — решай их с дежурным монахом.

На Е Бо было надето длинное серое жреческое одеяние, талию стягивал тонкий длинный пояс, а волосы были собраны высоко на макушке; в сочетании с невероятно красивым лицом это придавало всему его облику поистине благородный вид.

Девушка немного успокоилась и безмолвно вопрошала Юаньманя взглядом. Юаньмань ответил ей таким же успокаивающим взглядом, а затем произнёс:

— По этому вопросу можете обратиться к дежурному монаху. Правда, сегодня во второй половине дня дежурный монах Юаньи будет отсутствовать, так что при возникновении вопросов можете спросить кого-нибудь другого из дежурных.

Юаньмань прекрасно знал крутой нрав Е Бо: не пойти у него на поводу было абсолютно нельзя.

Е Бо был юношей, чей темперамент легко выходил из-под контроля, но стоило лишь тут же немного поухаживать за ним, как его гнев мгновенно улетучивался.

Девушка нахмурилась, не понимая, почему монах Юаньмань вдруг передумал.

Только что ведь договорились, что он поможет ей разобраться с проблемой, а теперь перенаправляет к какому-то дежурному?

Она доверилась дежурному монаху Юаньи, но узнав, что тот внезапно заболел и нуждается в покое, заметила среди принимающих гостей учеников из обители Юаньи Юаньмана — он выглядел весьма неплохо, да и образованности, казалось, ему было не занимать.

Впрочем, несмотря на это, человек, стоявший рядом с ним, явно не сулил ничего хорошего.

Юаньмань отвёл Е Бо в сторону. Лучи солнца мелкими осколками падали на Е Бо, и только тогда в его хмуром выражении промелькнула теплота.

Е Бо упорно вглядывался в Юаньмана, и во взгляде его так и читалось: «Если сейчас же толком не объяснишься, я устрою бурю».

Юаньмань тронул уголки губ и мягко произнёс:

— Мирянин Е Бо, неужто ты растревожился душой? Та девушка пришла специально к монаху Юаньи, но ты же знаешь, он приболел и сейчас восстанавливает силы, так что мне пришлось занять его место.

Е Бо, который изначально смотрел на мягкого, неторопливого и невозмутимого Юаньмана с нарастающим раздражением, услышав эти слова, почему-то почувствовал, как часть его злости испарилась.

— Тогда почему ты в последнее время такой занятый? — спросил Е Бо.

— В монастыре скоро начнётся суэта. Помнишь, несколько месяцев назад, когда мы собирали подаяния, ту карету, что бесчинствовала на большой дороге? Внутри сидел господин премьер-министр.

Е Бо, конечно же, помнил, причём отчётливо.

Он даже помнил, как та повозка спешила куда-то, не сбавляя ходу.

В тот день занавески кареты не были опущены, а оказались сдвинуты к краям, и порыв ветра

приоткрыл крошечный уголок невыразимо мягкой зелёной ткани. К тому же этого господина премьер-министра было трудно забыть: соболиные брови, звёздчатые глаза, тонкие губы и орлиный нос.

Рядом с ним услуживала девушка в розовом наряде.

— У того человека очень высокое положение, — всё, что мог сказать Е Бо об этой особе.

В монастыре Болинь книги о сутрах громоздились стопками, одна за другой, но вот книг, объясняющих чины и должности чиновников, там отродясь не водилось.

Е Бо не понимал, что за пост занимает господин премьер-министр, но его состояние определённо было баснословным.

Юаньмань сказал:

— Вот именно. А знаешь, зачем он пожаловал?

Е Бо нахмурился: он никак не мог взять в толк, зачем столь значительной персоне понадобилось без дела шляться по эдаким глухоманям.

Он пришёл разыскивать восьмого принца, который пропал пять лет назад по воле самого Сына Неба, и теперь появились зацепки: говорят, беглец отыскан. И прячется он здесь, в монастыре Болинь. О подобном не принято распространяться за стенами обители.

Мягко проговорив это, Юаньмань бросил взгляд на слегка смягчившееся лицо Е Бо и внутренне немного расслабился. В это место и так заглаживало мало народу, а если ещё и говорить вполголоса, то никто и вовсе ничего не узнает.

Е Бо думал о том, что пройдёт всего несколько дней — и Юаньмань произведёт на свет их общее семя. Почему-то эти мысли, которые ему так хотелось высказать напрямую, застряли в горле: сказать хотелось, но слова никак не шли с языка.

Несмотря на это, сердце его оказалось переполнено каким-то смутным, ещё не названным чувством.

<http://bllate.org/book/22156/2307887>